

АКТРИСА

КАК ИЗМЕРИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ? Количеством прожитых лет? Вехами достигнутого материально го благополучия? Событиями — радостными, горькими, интересными, обычными? И что оно такое — человеческое счастье?

Мы разговариваем об этом с народной артисткой СССР Антониной Николаевной Самариной. Мы сидим в ее уютной комнате, где каждая вещь: старинная мебель и рядом новенький телевизор, уютные полосатые кресла, книги, редкая коллекция фарфора, цветы, много цветов — рассказывают о моей собеседнице.

В комнате на стене — портрет отца, замечательного русского актера и режиссера, народного артиста СССР Николая Ивановича Собольщикова-Самарина.

Слово «отец» — одно из самых дорогих для Антонины Николаевны. Дочь с отцом связывали удивительно нежные и дружеские отношения.

Это был, действительно, большой человек, и ростом и душой, — вспоминает она. — Он очень любил актеров, никогда не позволяя себе кричать на них. Если у актера что-нибудь не получалось, приглашала к себе домой, и дома продолжалась работа. У него было большое чувство юмора, что очень скрашивало нашу жизнь. Вокруг отца и театра всегда были люди. Он собирал пионущую молодежь: Е. Суркова, Е. Рябчикова, П. Сатюкова, Н. Барсукова, Б. Рюрикова, впоследствии известных советских журналистов, а тогда начинающих литераторов.

Антонина Николаевна охотно вспоминает об отце-друге, коллеге, единомышленнике.

На ночной столике рядом с тахтой лежит фотография. Ее последняя роль — Марфа в пьесе И. Сельвинского «Царевна-Лебедь». Спектакль уже выпущен, премьера театра состоялась, а работа над ролью продолжается.

— Вы играете человеческую жизнь, а ее нельзя сразу понять, — говорит Антонина Николаевна, перекрестив мой взгляд и предугадывая вопрос.

— Итак, самое главное в вашей жизни — это театр? — спрашиваю я.

— Да, мне, действительно, трудно представить свою жизнь без театра. Хотя очень долго отец не пускал меня туда. Помню, когда я была маленькой, мне больше всего нравилась в театре... люстра. Она была такая красивая, я смотрела на нее в бинокль и с нетерпением ждала, когда она слова зажжется.

— И, наверное, вы очень скоро поняли, что театр — это не только красивая люстра?

— Да, конечно. Хотя многие, к сожалению, думают именно так, что театр — это вечный праздник, цветы, аплодисменты, красивые костюмы, успех. Так часто думают девочки, жаждущие стать актрисами. А театр — это большой труд, — говорит Антонина Николаевна и замолкает. Очевидно многое проходит в эти секунды перед

ее внутренним взором. — Без работы нет ни театра, — продолжает она, — ни актера, ни успеха, ни цветов. Работа с утра до вечера, мысленная, даже когда идешь по улице, даже когда сидишь в гостях. И, кажется, нет такой вещи, которую не должен был бы знать актер. Он обязан знать живопись, музыку, бывать на выставках, концертах.

К слову сказать, Антонина Николаевна владеет итальянским, французским, румынским языками. И это помогает ей лучше чувствовать возможности своего языка, его звучность, выразительность.

— Антонина Николаевна, с какого времени вы на сцене?

— С 1926 года. А с 1932 года — на горьковской сцене.

— Сколько же ролей сыграли вы за свою жизнь?

— Я переиграла много ролей, а сыграла настоящих всего 5—6, не больше. И, вы знаете, самое тяжелое воспоминание — Анна Каренина. Мне вообще кажется, что сыграть ее хорошо невозможно, что роман непереводим для сцены. А играла я ее в войну, тогда было особенное настроение у зрительного зала. Многие говорили, ну, чего ей надо: один муж хороший, другой хороший, ее бы на трудовой фронт послать. Это тоже трудная особенность нашей профессии — свои неудачи ты носишь в себе всю жизнь.

— Не слишком ли вы требовательны к себе, Антонина Николаевна?

— Мне кажется, что человек, насколько возможно, должен быть требовательным к себе. По отношению к себе скажу, что я еще недостаточно требовательна. Это долг, это, наконец, радость — ждать от себя большего, чем ты даешь.

— Какие свои работы в театре вы больше других любите?

— Одно из самых прекрасных моих воспоминаний — работа над ролью мудрой добродой женщины Марии Александровны Ульяновой в пьесе Попова «Семья».

— Как вы работаете, где ищете прообразы своих сценических героев?

— Вы знаете, все, что происходит вокруг в жизни, удивительно интересно, и все люди вокруг очень разные. Обратите внимание, у людей даже руки, пальцы разные — надо только уметь это подмечать и собирать в свою внутреннюю актерскую копилку.

Когда я работала над образом Марии Александровны Ульяновой, я долго мучалась — как сыграть такую женщину. И мне посчастливилось.

В санатории, где я отдыхала, я встретила высокую красивую седеющую женщину. Держалась она несколько замкнуто. Мне очень нравилось наблюдать за ней. Это оказалась Любовь Тимофеевна Космодемьянская.

Однажды я ей сказала: «Как бы я хотела вас сыграть». «В чём, — спросила она. — В «Сказке о правде?» «Нет, там слишком маленькая роль. А вам нравится эта поэма?» Она

помолчала, повернулась к окну, долго смотрела в него, потом обернулась ко мне и сказала: «Нет. Все было гораздо проще и сложнее». И была пауза, которая мне, как актрисе, о многом сказала.

Я думала о Космодемьянской, когда работала над образом Марии Александровны Ульяновой, о ее мужестве, ее горе.

Пожалуй, нет на свете другой такой профессии, которая, подобно актерской, требовала бы такой слитности человеческих и профессиональных качеств. Все, что есть в актере: образованность или ограниченность, благородство или жестокость, гражданское беспокойство или равнодушие — приходят вместе с ним на сцену.

Идейные и моральные качества актера во многом определяют содержание его творчества.

Жизнь, наполненная любым трудом, — непременное условие человеческого счастья. Жизнь, адресованная людям, — настоящая жизнь.

— Вы знаете, — говорю я Антонине Николаевне, — мне кажется, вы — счастливый человек.

— Не знаю, наверное, — отвечает актриса. — Жизнь у меня была всяческая, и горестей было много, и страданий — но всегда жизнь была многообразной и интересной. Это ведь тоже зависит от человека — умение замечать радости жизни и радоваться им.

— Что вам помогало переносить горести?

Она отвечает коротко: «Природденный оптимизм».

В это время в коридоре раздался звонок, вошедшая женщина аккуратно развернула большой марлевый сверток и передала Антонине Николаевне громадный букет какой-то диковинной сирени.

— Это из ботанического сада, — пояснила Антонина Николаевна и стала рассматривать и радоваться каждой ветке. — Я очень люблю цветы, обожаю птиц. Когда я вижу, как воробы клуют траву, я счастлива. Особую радость во мне вызывает весна. Зима для меня — глухая полночь. Хотя и зимой, сидя в теплой комнате, я люблю читать про холодные страны.

В комнате темнеет. Новую красоту обретают в сумерках ветки сирени, фарфоровые статуэтки, прекрасное лицо Николая Ивановича Собольщикова-Самарина, смотрящее на нас с портрета.

— Антонина Николаевна, что хотели бы вы передать читателям молодежной газеты «Ленинская смена»?

— Я очень люблю молодежь. Я думаю, что каждый человек должен уметь сохранить в себе молодость души — умение удивляться окружающему, жаждность и бескомпромиссную требовательность к жизни, непрерывность к лжи и фальши, гражданское беспокойство. Я желаю молодым вечно оставаться молодыми.

Беседу вела

Анна ГОЛЬДИНА.